TY-19-241-82

- 1

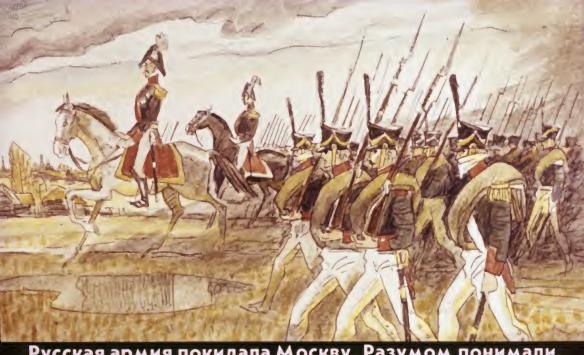

РГД 2015

08-3-031

эсудожник М. ПетроВ

Русская армия покидала Москву. Разумом понимали, что нельзя иначе и правильно решил Кутузов, а всётаки, когда шли по улицам Белокаменной, у каждого сердце щемило.

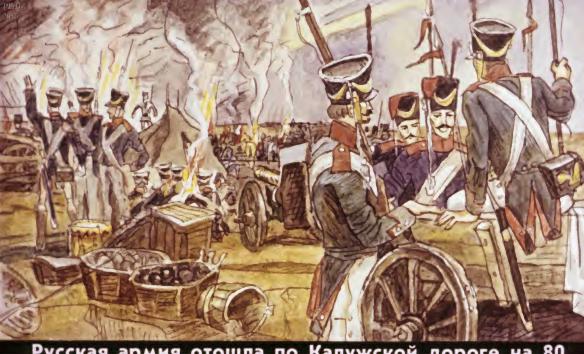
Рядовому конно-егерского полка Фёдору Николаеву было совсем горько: ведь он—московский, родился и вырос здесь, в Замоскворечье, в Кадашах.

С их двора виден был Кремль с дворцами, соборами и высокой колокольней посреди них. Колокольня эта была самое высокое строение в Москве и потому называлась Иван Великий.

Над всей Москвой возвышался Иван Великий. Его золотой купол сиял, как старинный боевой шлем. Говорили в народе: «Пока Иван Великий стоит, и Москва стоять будет».

Русская армия отошла по Калужской дороге на 80 вёрст и возле села Тарутина расположилась лагерем, ожидая подкреплений и набирая силу для удара.

Отряду Фёдора Николаева—егерям и казакам— приказано было идти по Петербургскому тракту и, отойдя вёрст пятнадцать, вести наблюдение за противником и действовать смотря по обстоятельствам. 7

Когда ещё только миновали заставу, заметили, что в Москве начались пожары, поднялся дым. С наступлением темноты зарево становилось всё сильнее и сильнее.

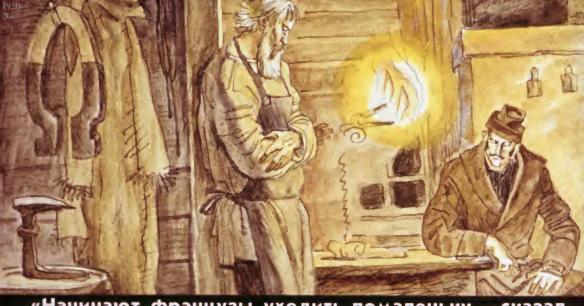
На следующий день послали в город разведку. Казаки вернулись, рассказали: французы поджигают дома что побогаче и грабят. Шесть дней бушевал огонь, выгорели целые улицы. Печальное зрелище представляла собой Москва.

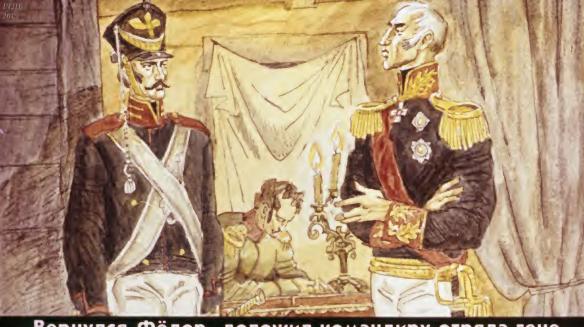
Уже целый месяц отряд Фёдора Николаева ходил между Петербургским трактом и Дмитровской дорогой. Нападали на французских солдат, засылали разведчиков в город, брали пленных и поэтому знали обо всём, что делалось во вражеском стане.

10 октября выпал черёд идти в Москву Фёдору. Возле Страстного монастыря жил добрый приятель Фёдора—сапожник. Фёдор первым делом зашёл к нему.

«Начинают французы уходить помаленьку,—сказал сапожник.—Сам Наполеон, говорят, уже уехал, но, уезжая, приказал в отместку за нашу неприветливость Кремль со всеми соборами взорвать. Их сапёры ведут подкопы, я ходил смотреть: под всеми башнями копают».

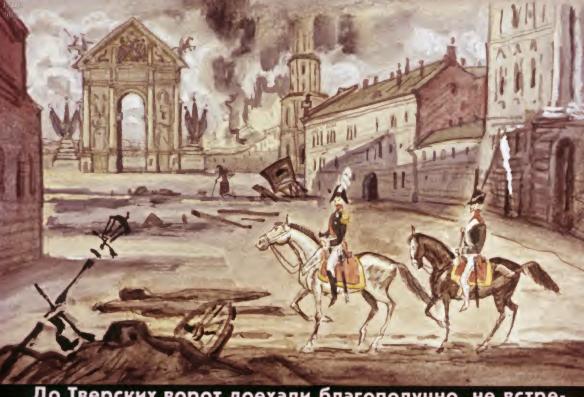
Вернулся Фёдор, доложил командиру отряда генералу Винценгероде. Командир у них был австриец, воевал в русской армии. Храбрый был генерал. Французский император считал его своим личным врагом.

Как услышал Винценгероде, какую месть задумал Наполеон, воскликнул: «Не бывать этому! Я поеду к командующему московским гарнизоном маршалу Мортье и скажу ему, что дам французам спокойно выйти из Москвы при одном условии: если он откажется от взрыва Кремля».

Генерал приказал адъютанту отобрать для сопровождения десяток казаков. «Ваше превосходительство, возьмите меня», — попросил Фёдор. «Тебя первого беру», — ответил генерал.

До Тверских ворот доехали благополучно, не встретив ни одного патруля.

Винценгероде велел Фёдору повязать на пику белый платок—знак парламентёра. У генерал-губернаторского дома стоял французский патруль. «Я прислан от начальника русского отряда парламентёром к начальнику французских войск»,—заявил Винценгероде офицеру. «Сейчас пошлю доложить о вас маршалу»,—ответил тот.

Но тут из переулка выскочил разъезд французских драгун. Драгунский офицер подскакал к Винценгероде и крикнул: «Вы мой пленник!»—«Он парламентёр»,—возразил ему патрульный офицер. «Врёт!»—сказал драгун.

Винценгероде вспылил: «Как вы смеете! Требую передать, что начальник русского отряда, стоящего перед Москвой, желает иметь переговоры с командующим французскими войсками».

Фёдор подумал: «Не выйдет ничего с переговорами. Пока они будут разбираться, сапёры в Кремле как раз доделают своё дело». Никто не обращал на него внимания, он отошёл в сторону и спрятался в развалинах дома.

Фёдор оказался прав: маршал Мортье не признал Винценгероде парламентёром, отказался вести переговоры, объявил военнопленным и заключил под стражу.

Из дома в дом, из двора во двор, из переулка в переулок—пробрался Фёдор к своему знакомому сапожнику,

рассказал ему о неудаче. «Значит, не бывать у нас больше ни Кремля, ни Ивана Великого. Конец Москве приходит: что она без них!»—вздохнул сапожник. «Рано отходную поёшь,—возразил Фёдор.— Ещё есть время не дать свершиться злому делу!» 23

Переоделся Фёдор в крестьянскую одежду, и пошли они с сапожником к Кремлю. «В Кремль русских не пускают»,—объяснял сапожник. «Солдатскую смекалку следует применить»,—сказал Фёдор. 24

Подошли они к Кремлю, видят—французские сапёры под стенами свою работу закончили, сидят отдыхают. Выбежал из Троицких ворот офицер, закричал что-то, солдаты схватили проходивших мимо русских мужиков, увели в Кремль.

«Куда их повели! Зачем!»—размышлял сапожник. «Вот как мы попадём куда надо!»—сказал Фёдор. Они подошли к воротам и встали, вроде любопытствуя. Французские солдаты и их схватили.

В Кремле царила суматоха. Бегали солдаты, офицеры, грузились повозки. Скоро Фёдор понял, зачем они понадобились французам: сапёры не успевали, поэтому-то и заставляли рыть подкопы русских мужиков.

Хмурые мужики еле ворочали лопатами, то и дело французские солдаты торопили их прикладами в спину—за каждым стоял надзиратель, глаз не спускал.

Фёдор огляделся и сказал сапожнику: «Сегодня взрывать будут. Слушай: когда они запалы подожгут и побегут, тогда мины останутся без охраны. Вот эти-то минуты—наши».

Заканчивали минирование уже в сумерках. К тому времени Кремль опустел. Мужиков выгнали из под-копов и подвалов, туда спустились сапёры. 30

И в тот самый момент, когда сапёры выехали из ворот и погнали лошадей, Фёдор, сапожник и ещё несколько мужиков бросились в Кремль.

«Вы к Спасским бегите, я—к Ивану Великому»,— распорядился Фёдор. Они не знали, сколько минут до взрыва и не ждёт ли их смерть—об этом не думали.

Раздался первый взрыв, дрогнула земля, повалилась Арсенальная башня. 33

Дверь в подвал под Иваном Великим оказалась запертой. Пока Фёдор выламывал её, шли драгоценные минуты. 34

наконец дверь выломана. В темноте светились свечки на бочках с порохом. Фёдор затушил их. Но он заметил, что французы ставили ещё и скрытые запалы. Где-то тлеет фитиль, и не видать его. Фёдор бросился шарить по полу, нашел, выдернул.

Фёдор выскочил на улицу, и тут его оглушил взрыв. Он упал.

На рассвете передовой русский отряд, сметая остатки замешкавшихся в городе французских частей, ворвался в Кремль. Это был отряд Фёдора Николаева.

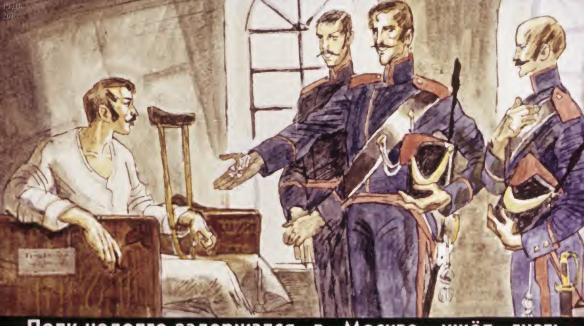
Глазам казаков предстал полуразрушенный Кремль, но среди разрушения стоял Иван Великий... «Чудо—да и только», —удивлялся один солдат. «Так это ж Иван Великий, —возражал ему другой, —потому и устоял».

Тут они услышали стон под развалинами. Быстренько раскидали кирпичи. «Так это же наш Фёдор!» Фёдор лежал в беспамятстве, а в руке крепко сжимал обгорелый фитиль. «Вот оно—чудо»,—сказал первый солдат.

После боя, как положено, солдаты решали, кто из них за этот бой достоин награды — Георгиевского креста, и солдатское решение было справедливо и нерушимо: «Самый главный герой среди нас нынче Фёдор Николаев!»

Полк недолго задержался в Москве—ушёл гнать французов дальше. Перед выступлением товарищи навестили Фёдора Николаева в лазарете, вручили Георгиевский крест—знак солдатской доблести, пожелали скорейшего выздоровления.

[4]

Начала отстраиваться Москва после пожара и разорения, и первым встал над городом на высоком холме, отмытый от копоти, заново вызолоченный, могучий богатырь—Иван Великий.

КОНВЦ

Художественный редактор В. ДУГИН Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

-_ Д 131-88

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1988 г. 103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30